

Олег БУДНИЦКИЙ

**СЛИШКОМ ПОЛЯКИ ДЛЯ СОВЕТОВ,
СЛИШКОМ ЕВРЕИ ДЛЯ ПОЛЯКОВ:
ПОЛЬСКИЕ ЕВРЕИ В СССР В 1939–1945***

В сентябре 1939 года Россия в очередной раз пришла за “своими евреями”. Правда, теперь она называлась Советским Союзом. На территориях, отошедших к СССР в результате очередного раздела Польши, проживало около 1 млн. 300 тыс. евреев. К этому числу добавилось от 250 до 450 тыс. беженцев из западных и центральных районов Польши. После присоединения прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины численность еврейского населения СССР, включая 3 млн. 80 тыс. советских евреев, проживавших на территориях в пределах старой границы, достигла без малого 5 млн. человек, практически сравнявшись с еврейским населением США. А если учесть еврейских беженцев из Румынии, добавившихся к польским, и относительно небольшую группу евреев – беженцев из Чехословакии, то следует

---

* Статья подготовлена в результате исследования, проведенного за счет субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной Национальному исследовательскому университету “Высшая школа экономики”.

констатировать, что СССР к 1941 году стал страной с самым большим еврейским населением в мире.¹

Свыше половины советских и “советизированных” евреев не пережили войну. Большую часть жертв Холокоста на территории СССР составили евреи-“западники”, в том числе польские евреи, убитые нацистами и их украинскими, польскими и белорусскими соседями.² Из 1 млн. 885 тыс. евреев, постоянно проживавших на территориях, аннексированных СССР в 1939–1940 гг., погибли 1 млн. 621 тыс., или 86%.³ Цифры носят, как это почти всегда бывает у демографов, расчетный характер, но в том, что порядок потерь еврейского населения был таков, сомневаться не приходится.

Как показали последующие события, наибольший шанс уцелеть в военные годы был у тех евреев-“западников”, кто добровольно завербовался на работы на “старых” советских территориях или был туда депортирован. По большей части это были беженцы, а также “контрреволюционные” или просто “чуждые” “элементы”. Не случайно все три замечательно интересных интервью, записанных в рамках проекта фонда Спилберга и подготовленных к печати Юлией Бернштейн, даны людьми, оказавшимися в глубине Советского Союза по указанным выше причинам.

Историю польских евреев, проживавших на территориях, вошедших в состав СССР в 1939 году, или же бежавших в Советский Союз из немецкой зоны оккупации, трудно отнести к малоизученным сюжетам. Истории их жизни под советской властью, а затем, в период немецкой оккупации, гибели большинства, истории выживания и последующей судьбы уцелевших посвящена обширная литература.⁴ В то же время,

---

¹ М. Куповецкий. Людские потери еврейского населения СССР в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. №2 (9). С. 143-155; Mordechai Altshuler. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. Pp. 323-331.

² После выхода книги Яна Гросса “Соседи” (Jan T. Gross. Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland. Princeton, 2001) это безобидное слово, применительно к описываемому нами периоду и территории, приобрело несколько злоешие коннотации. См. также Martin Dean. Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. New York, 1999.

³ М. Куповецкий. Людские потери. С. 152.

⁴ Norman Davies and Antony Polonsky (Eds.). Jews in Eastern Poland and the USSR, 1939–1946. London, 1991; Dov Levin. The Lesser of Two Evils: Eastern European Jewry under Soviet Rule, 1939–1941. Philadelphia and Jerusalem, 1995; Eliyahu Yones. Smoke in the Sand: The Jews in Lvov in the War Years 1939–1944. Jerusalem and New York, 2004; Sara Bender. The Jews of Bialystok during World War II and the Holocaust.

не приходится говорить, что тема исчерпана. Архивная революция открыла еще далеко не полностью бывшие советские архивы; далеко не полностью освоены историками так называемые источники личного происхождения, представляющие, на наш взгляд, зачастую не меньшую, если не большую ценность, нежели официальные документы, отложившиеся в архивах, – в особенности, если речь идет о советской истории.

В настоящем тексте, отнюдь не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающее изложение, я, во-первых, попытаюсь “контекстуализировать” публикуемые интервью, вставить их в “историческую рамку”, показать, хотя бы кратко, то, что осталось за пределами рассказов участников и свидетелей событий. Во-вторых, попытаюсь показать, как эти интервью вписываются в ряд других источников личного происхождения.

Еврейское население “освобождаемых” Красной армией территорий в значительной (возможно, в большей) своей части радостно, а то и восторженно встретило приход советской власти. Дело было не только в том, что СССР представлялся “меньшим злом” по сравнению с нацистской Германией и, возможно, – с неласковой по отношению к евреям Польшей.⁵ Этого было недостаточно для того, чтобы побудить даже эмоциональных евреев целовать броню советских танков.⁶ Для немалого числа польских евреев Советский Союз представлялся едва ли не Землей Обетованной: ведь там было не только воплощено в жизнь еврейское равноправие – там, в отличие от Польши, евреи имели равный доступ к образованию. Более того – евреи составляли заметную часть советской политической, военной, научной, литера-

---

Waltham, MA, 2008; Antony Polonsky. *The Jews in Poland and Russia*. Vol. 3: 1914–2008. Oxford, 2011 и др. О советизации населения аннексированных территорий в целом, в том числе евреев, см. Репрессии против поляков и польских граждан / Под ред. А. Б. Рогинского и др. Москва, 1997 (Исторические сборники “Мемориала”, вып. 1); Jan T. Gross. *Revolution from Abroad: the Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia*. Expanded edition. Princeton and Oxford, 2002.

⁵ Dov Levin. *The Lesser of Two Evils*. Pp. 32–35. По словам одного современника, “в то время, когда немецкий топор был занесен над их шеями, все единодушно приветствовали приход русских, как будто это был Мессия” (Р. 33). Правда, по наблюдению другого современника, Моше Сне (Клейнбаума), евреи встречали Красную армию со смешанными чувствами. Лучшее всего их выражал немедленно родившийся афоризм: “до сего момента мы были приговорены к смертной казни; теперь ее заменили пожизненным заключением” (Р. 33).

⁶ Jan T. Gross. *Revolution from Abroad*. P. 29.

турной и прочей элиты. Это было видно “невооруженным глазом”, и даже Большой террор 1937–1938 годов, затронувший немало евреев именно в силу того, что они составляли значительную часть советской элиты, не изменил принципиально впечатления, что евреям в СССР доступны любые вершины.

И это было в самом деле так, и не только по сравнению с Польшей: скажем, в СССР евреи составляли существенную часть студентов лучших университетов страны, в то время как еще в 1930-е годы в США путь им во многие элитные университеты был заказан. Согласно всесоюзной переписи населения 1939 г. на 1000 жителей (обоих полов) приходилось лиц со средним образованием среди евреев – 268,1 чел., украинцев – 82,1, русских – 81,4, с высшим образованием среди евреев – 57,1 чел., русских – 6,2, украинцев – 5,1. Среди мужчин на 1000 лиц с высшим образованием у евреев приходилось 69,5 чел., у русских и украинцев – по 8,8 чел. В абсолютных цифрах по числу лиц с высшим образованием евреи опережали украинцев и лишь в 3,5 раза уступали русским (уступая им по общей численности почти в 33 раза).⁷ В 1939 году в СССР насчитывалось 98 216 студентов-евреев (11,1% от общего числа студентов), причем в Москве евреи составляли 17,1% всех студентов, в Ленинграде – 19%, Харькове – 24,6%, Киеве – 35,6%, Одессе – 45,8%. При этом евреи составляли 1.78% от общей численности населения СССР.⁸

Евреи в 1930-е годы были самой успешной советской нацией – во всяком случае, об этом свидетельствует статистика.⁹

По воспоминаниям жителя Лодзи Габриэля Темкина, придерживавшегося, как и многие молодые евреи его поколения, левых убеждений, из чтения об СССР он вынес убеждение о том, что в этой стране нет безработицы, образование, включая обучение в высших учебных заведениях, бесплатно (причем все студенты получают ежемесячно стипендии), и, конечно, нет антисемитизма. Он ликвидирован раз и навсегда.¹⁰

Для того чтобы убедиться, что сталинское государство имеет кое-какие особенности, нужно было оказаться внутри Левиафана. Что и случилось вскоре с Габриэлем Темкиным и многими другими,

⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю. А. Полякова и др. Москва, 1992. С. 57, 86.

⁸ Altshuler. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. Pp. 8, 34-35, 120, 308.

⁹ Yuri Slezkine. The Jewish Century. Princeton, 2004. Pp. 222-225.

¹⁰ Gabriel Temkin. My Just War: The Memoir of a Jewish Red Army Soldier in World War II. Novato, CA, 1998. P. 13.

отправившимися вглубь СССР как добровольно, так и, чаще всего, принудительно.

Вновь обретенные советские граждане “еврейской национальности” получили возможность присоединиться к “старым” советским евреям, которые уже были больше советскими, чем евреями. Покорять Москву отправилась Эстер Гольдберг, дочь белостокского сиониста и неудачливого предпринимателя. С одной стороны, она была недовольна тем, что по решению советской власти ивритская гимназия, в которой она училась, была преобразована в среднюю школу с преподаванием на идише. С другой – ее манила столица Советского Союза, и она отправилась поступать не куда-нибудь, а в “советский лицей” – ИФЛИ,¹¹ причем, при слабом знании русского языка, на филфак. По переписке ей как будто удалось договориться о том, что от письменного экзамена по русскому языку ее освободят. Эстер поразило, что никто из ее новых московских знакомых ни разу не поинтересовался ее национальностью. Для нее, выросшей в Польше, это было необычно. Процедура сдачи ею экзамена по литературе была поистине фантазмагорична. Принимавший его доцент Белкин не мог понять русского языка Эстер; тогда они перешли на идиш.¹² Затем, по предложению Белкина, на иврит – доцент хотел проверить, не забыл ли он изучаемый им до революции язык.¹³

Эстер отлично сдала все вступительные экзамены, кроме письменного русского, от которого ее, как она считала, освободили. Однако приемная комиссия думала иначе, и в приеме ей было отказано. Но “группа поддержки” (вполне интернациональная) привлекательной девушки из “другого мира”, состоявшая из трех “ифлийских” активистов, подготовила заявления в комитет по делам высшей школы: от самой Эстер, “ифлийской” газеты “Комсомолия” и комитета комсомола ИФЛИ с объяснением обстоятельств дела. Заявление Эстер рассмотрел

¹¹ Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского, элитное учебное заведение, кузница советских интеллектуальных “кадров”, также как, впрочем, поэтов и относительных диссидентов. См. Ю. П. Шарапов. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ. Москва, 1995; В том далеком ИФЛИ: Воспоминания, документы, письма, стихи, фотографии / Сост. А. Коган, С. Красильщиков, В. Малый, Г. Соловьев. Москва, 1999.

¹² Абрам Александрович Белкин (1907–1970), литературовед, доцент ИФЛИ в 1937–1941 гг., впоследствии преподавал в МГУ (1942–1953), Школе-студии МХАТ (1956–1970).

¹³ Эстер Гессен. Белосток – Москва: мемуары. Москва, 2014. С. 38–43. Гольдберг – девичья фамилия Эстер Гессен.

сам председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтанов. Более того: он не только лично принял Эстер, но и вышел с ней на балкон с тем, чтобы объяснить толпившимся во дворе здания Комитета родителям неудачливых абитуриентов, что его ведомство вмешивается в дела приемных комиссий только в том случае, если действительно допущена несправедливость, как в случае с новой советской гражданкой. Он даже заявил, что ее дело “и впрямь пахнет дореволюционным антисемитизмом, с которым никто мириться не будет”. Надо ли говорить, что руководство ИФЛИ (которое менее всего можно было заподозрить в антисемитизме) прислушалось к рекомендации Комитета зачислить Эстер Гольдберг в институт.¹⁴

В ИФЛИ, кроме Гольдберг, были приняты еще две девушки из “бывшей” Польши. Обе оказались еврейками из Западной Белоруссии. Это были не единственные студентки – польские еврейки в московских вузах. На имя одной из них, подружки Эстер из Белостока, студентки текстильного института Саломеи Оппенгейм, в июне 1941 года пришла телеграмма без подписи: “Родители Эстер уехали к кузену Роману. Пусть Эстер переедет к тебе”. Это означало, что родители Эстер высланы. К несчастью, это оказалось не совсем так. Отец Эстер Якуб Гольдберг был арестован накануне начала войны с Германией, и отправить его на восток не успели. Эстер вспоминает, что телеграмма пришла “в середине июня”.¹⁵ Однако вряд ли можно сомневаться, что ее родители попали в последнюю довоенную депортацию, осуществленную в Западной Белоруссии в ночь с 19 на 20 июня 1941 года. В перечне категорий, подлежащих депортации, под первым номером значились “участники контрреволюционных партий и антисоветских националистических организаций”.¹⁶ Уже 22 июня Белосток был окружен немецкими войсками. Якуб Гольдберг оказался в Белостокском гетто, а затем в Майданеке, где, по-видимому, и погиб. Мать Эстер Гольдберг, преподавателя польской литературы, отправили в Алтайский край работать в совхозе. Вскоре она была арестована и осуждена на 10 лет лагерей за религиозную пропаганду (будучи при этом убежденной атеисткой). Однако в лагерь она не попала – ее освободили по амнистии как бывшую польскую гражданку.¹⁷

¹⁴ Э. Гессен. Белосток – Москва. С. 45-48.

¹⁵ Там же. С. 53.

¹⁶ А. Э. Гурьянов. Масштабы депортации населения вглубь СССР в мае-июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. С. 138.

¹⁷ Э. Гессен. Белосток – Москва. С. 52-57.

Истории о том, как кто-то из членов семьи остался в оккупированной немцами части Польши или не успел эвакуироваться, встречаются почти во всех интервью или воспоминаниях польских евреев. Почти во всех случаях это означало смерть. История родителей и сестры Мариана Балабана – счастливое исключение. Виленский еврей Теодор Шанин, – тот самый, профессор Манчестерского университета и основатель Московской высшей школы социальных и экономических наук, – рассказывает, что когда сотрудники НКВД 14 июня 1941 года пришли арестовывать его семью для последующей депортации, они пожалели его 4-летнюю сестренку. Она была голубоглазой блондинкой, охотно играла с новыми “дядями”. Они отозвали в сторону отца Теодора и предложили ему оставить девочку с кем-нибудь, ибо там, куда их отправляют, будет трудно, и она погибнет. Теодору позволили сходить за дедом, с которым девочка охотно осталась. И вместе с которым погибла в гетто. Все остальные уцелели.¹⁸

Беременная сестра Габриэля Темкина вместе с мужем и отцом в феврале 1940 года вернулись в оккупированную нацистами часть Польши. Они знали, что власти Белостока стремятся избавиться от беженцев, которыми был переполнен город, как можно скорее, и, опасаясь отправки в Россию и тягот, с этим связанных, сделали свой выбор, который нельзя назвать иначе, чем роковым. Габриэлю Темкину впоследствии не удалось выяснить ничего конкретного об их судьбе.¹⁹ Более 100 тысяч евреев воспользовались предоставленной советско-германским соглашением об обмене беженцами возможностью вернуться в западную часть Польши. По оценке М. Альтшулера, вернулись около половины из общего числа беженцев.²⁰

Нарком внутренних дел УССР И. А. Серов, курировавший процесс обмена, докладывал Н. С. Хрущеву, в то время первому секретарю ЦК

¹⁸ Детство социолога. Интервью Теодора Шанина. Беседовали Л. Борусяк и А. Левинсон // <http://www.polit.ru/article/2009/06/10/infancia/>.

¹⁹ Gabriel Temkin. *My Just War*. P. 15.

²⁰ Mordechai Altshuler. *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust*. P. 325. По подсчетам М. Альтшулера, общее число беженцев, включая принявших советское гражданство и оставшихся жить на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, высланных в ходе депортации в июне-июле 1940 года, добровольно отправившихся на работы во “внутренние” районы СССР и арестованных за различные “преступления”, составило около 148.000 человек (P. 326). Если считать, что это половина от общего числа беженцев, прибывших из немецкой зоны оккупации, то число вернувшихся на прежние места проживания также должно составить несколько менее 150.000 человек.

компартии УССР, об огромной очереди у пункта регистрации (судя по контексту, речь шла о Львове) желающих вернуться на польскую территорию. Главным образом очередь состояла из евреев. По словам Серова, беженцы “давали взятки гестаповцам, чтобы те помогли им поскорее выехать отсюда и вернуться к своим очагам”.²¹

На аннексированных территориях проводилась конфискация собственности “эксплуататоров” и их высылка вместе с семьями, аресты членов “контрреволюционных” и националистических партий, преследование “еврейских клерикалов”,²² конфискация собственности религиозных общин. Власть не отделяла эллинов от иудеев, и в этом смысле евреи, бесспорно, получили полное равенство в бесправии.

Впрочем, они получили его и в правах, в том числе в праве участвовать в работе органов власти и управления. Прежняя польская администрация была смещена, система власти реорганизована по советскому образцу. Так, в ходе массового призыва во власть в Западной Белоруссии на работу в облисполкомы, райисполкомы и сельсоветы были приняты 18.060 человек, в их числе 10.245 поляков, 4.451 белорус, 3.045 евреев и 329 русских.²³ Правда, ни одного еврея не оказалось среди 55 депу-

²¹ Н. С. Хрущев. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Кн. 1. Москва, 1999. С. 244.

²² См. “Мы, религиозные евреи, каждый день должны ожидать ареста...”. Публ. Е. С. Розенблата // Архив еврейской истории. Под ред. О. В. Будницкого. Москва, 2004. С. 377-388.

²³ Я. Мірановіч. Найноўшая гісторыя Беларусі. Санкт-Пецярбург, 2003. С. 113. Столь высокое представительство в органах местной власти явно дискриминируемых поляков объясняется, по-видимому, наличием районов, почти полностью ими населенных. Среди четырех польских восточных воеводств, включенных в состав БССР (часть Виленского была передана Литве), в трех население, чьим родным языком был польский, составляло абсолютное большинство. Дополнительным фактором, по-видимому, служило то, что образовательный уровень белорусского населения был невысок, и даже с учетом перемещения руководящих кадров из восточной Белоруссии заместить все руководящие должности, требовавшие определенного уровня образования, кадрами “правильной” национальности сразу не удалось. Из четырех польских воеводств, вошедших в состав УССР, в одном польское население составляло абсолютное большинство, еще в одном – относительное. См. С. Г. Филиппов. Деятельность органов ВКП (б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. С. 69. В целом поляки составляли, очевидно, существенно большую часть населения аннексированных территорий, чем это признавали советские власти. В. М. Молотов в докладе на сессии Верховного Совета СССР говорил, что население присоединенных территорий составляет 13 млн. человек, среди которых 7 млн. украинцев, 3 млн. белорусов и 1 млн. евреев (Правда. 1939. 1 ноября. С. 1). По польским данным, национальный состав (сведения о национальности основывались на родном языке)

татов Верховного совета СССР, избранных от Западной Белоруссии и Западной Украины 14 марта 1940 г. Остается неясным, чем объясняется такое нарушение пропорционального представительства. Возможно, это был “размен” на еще более разительное “непредставительство” поляков в органах центральной власти.

Некоторая специфика политики советской власти в отношении евреев заметна в области образования. Особых новаций по сравнению с политикой на “старых” советских территориях не наблюдалось: закрывались (или преобразовывались) еврейские школы с преподаванием на иврите, зато открывались школы с преподаванием на идише. Так, в Барановичской области в 1940 году было открыто 46 еврейских школ (польских осталось 41), в Вилейской – 32 (польских – 14), в Пинской, соответственно, 18 и 14, в Волынской области насчитывалось 145 польских школ (до сентября 1939 г. их было 1003), еврейских – 33. Во всех случаях в западных областях УССР и БССР с огромным отрывом лидировали вновь образуемые украинские и белорусские школы, при сокращении в несколько раз польских. Соответственно, изменился и национальный состав учителей: так, в Дрогобычской области до сентября 1939 года из 2365 учителей 1139 были поляками и 954 “украино-поляками”, по загадочной терминологии партийного документа, при 253 украинцах и 15 евреях. К апрелю 1940 года число учителей выросло более чем в два раза, причем украинцев среди них теперь насчитывалось 2138, евреев – 568.²⁴

Процесс советизации бывших польских земель сопровождался массовыми чистками, масштабными арестами и депортациями. Среди 206.646 человек, арестованных в СССР в период с сентября 1939 по июнь 1941 г. включительно, на долю Западной Украины и Западной Белоруссии приходится более половины – 52%.²⁵ Всего за этот период было арестовано 23.590 евреев, что составляет несколько более 22% от числа всех арестованных поляков, украинцев, белорусов и евреев

---

13 млн. 200 тыс. человек, проживавших на присоединенных к СССР территориям, распределялся следующим образом: поляки – 39.9%, украинцы – 34.4%, белорусы и евреи – по 8.5%, остальную часть населения составляли немцы, литовцы, русские, чехи и некоторые другие (Laurence Orzell. Poland and Russia, July 1941 – April 1943: The “Impossible” Alliance // The Polish Review. 1976. Vol. 21. No. 4. P. 37).

²⁴ С. Г. Филиппов. Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков. С. 66–67.

²⁵ О. А. Горланов, А. Б. Рогинский. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков. С. 86.

(всего – 106.140).²⁶ Это в два с лишним раза превышает долю евреев в населении аннексированных территорий, однако ничего удивительного или “избыточного”, если исходить из логики репрессивных органов, в этом усматривать не приходится. Мы вполне согласны с предположением О. А. Горланова и А. Б. Рогинского о том, что аресты были связаны с социальным и политическим прошлым людей, а не с их национальной принадлежностью.²⁷ Это подтверждается сопоставлением с данными по социальному составу арестованных. Евреи были преимущественно городскими жителями, среди них была сравнительно высока доля вовлеченных в предпринимательскую и торговую деятельность (предсудительную с точки зрения новых властей) по сравнению с украинцами и белорусами, к тому же евреи были в существенно большей степени “политизированы”. А даже бывшие члены “контрреволюционных” партий, вроде Бунда, непременно попадали в проскрипционные списки НКВД.

Из четырех массовых депортаций 1940–1941 гг. одна депортация евреев не затронула вовсе (высылка “осадников и лесников” в феврале 1940 г.), одна затронула прежде всего евреев (высылка беженцев в конце июня – начале июля 1940 г., ибо среди беженцев из германской зоны оккупации преобладали евреи). Значительная их часть отказалась принять советское гражданство. Свыше 78.000 беженцев были депортированы в северные и восточные районы страны в качестве спецпереселенцев. Около 65.000 из них были евреями, что составляло более 84% от высланных в этой партии.²⁸ Евреи высылались и в составе других групп депортированных. В апреле 1940 г. – в составе группы, включавшей членов семей военнопленных польских офицеров и репрессированных представителей польского государственного аппарата, крупных землевладельцев и промышленников. В мае-июне 1941 года – в составе группы, включавшей 10 категорий лиц, подлежащих депортации, от участников “контрреволюционных партий и националистических организаций” до проституток и уголовников.²⁹ Так, Тевель Пружанский

²⁶ Подсчитано нами по таблице, приведенной в указанной выше статье О. А. Горланова и А. Б. Рогинского, С. 89.

²⁷ О. А. Горланов, А. Б. Рогинский. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. С. 89.

²⁸ Altshuler. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. P. 326.

²⁹ См. подробнее: А. Э. Гурьянов. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков. С. 114–136; он же. Масштабы депортации населения вглубь СССР в мае-июне 1941 г. // Там же. С. 137–175; Yosef Litvak. Jewish Refugees from Poland in the USSR 1939–1946 // Zvi Gitelman (Ed.). Bitter Legacy: Confronting 222

был выслан в Казахстан в апреле 1940 года как член семьи крупного предпринимателя.

Надо сказать, что советские власти прилагали существенные усилия для расселения и трудоустройства беженцев. Поначалу им был оказан вполне благожелательный прием. Однако, во-первых, беженцев оказалось гораздо больше, чем это можно было представить, и предоставить им нормальное (по советским понятиям) жилье и работу по специальности, во всяком случае, в пределах вновь присоединенных и сопредельных территорий, было весьма затруднительно. Во-вторых, представления о жизненных стандартах советских людей (и властей) и жителей “панской Польши” существенно отличались. В результате вместо предполагаемой благодарности власти столкнулись с недовольством, да к тому же “транслируемым” за границу, где многие евреи имели родственников, которым писали о своих бедах. На тяжелую физическую (торфоразработки, лесоразработки и т.п.) и вдобавок низкооплачиваемую работу беженцы, как правило, не соглашались. Некоторые из них добывали средства к существованию не вполне легальным путем, например, спекуляцией. В результате власти приходят к выводу, что беженцы – это “чуждый элемент”. Несомненно, чуждыми, с их точки зрения, были те, кто не только не хотел соглашаться на тяжелые работы, но и не взял советские паспорта, явно надеясь со временем перебраться за границу. Именно эта категория беженцев и была депортирована в северные и восточные районы страны и определена на так называемое спецпоселение.

Любопытно, что отношение “старых” советских евреев, во всяком случае, некоторых из тех, кто перебрался в крупные города и в полной мере воспользовался теми возможностями, которые им предоставила советская власть, к евреям-“западникам” мало чем отличалось от отношения советских властей. Московский инженер Марк Шумелишский, человек, “сделавший себя сам” и, несмотря на получение освобождения от призыва, добровольно пошедший в Красную армию, чтобы защи-

---

the Holocaust in the USSR. Bloomington, 1997. Pp. 123-150; Jewish Refugees from Poland in Belorussia, 1939–1940 / Introduced and annotated by E. Ioffe and V. Selemenev // *Jews in Eastern Europe*. 1997. No. 1 (32). Pp. 45-60; Е. Розенблат. “Чуждый элемент”: еврейские беженцы в Западной Белоруссии (1939–1941) // *История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы* / Под ред. О. В. Будницкого и др. Москва, 2004. С. 333-361; Dmitrii Tolochko. Polish Refugees in Eastern Belorussia, 1939–1941 // *Jews in Russia and Eastern Europe*. 2006. No. 1 (56). Pp. 5-30; Albert Kaganovitch. Jewish Refugees and Soviet Authorities during World War II // *Yad Vashem Studies*. 2010. Vol. 38. No. 2. Pp. 85-121.

щать советскую власть, в июне 1942 г. встретил, очевидно, где-то в Приуралье, “евреев из Львова”, работавших лесорубами. Две или три еврейские семьи жили в комнате “барачного типа”. Шумелишский записал в дневнике:

В прошлом, вероятно, мелкие торговцы или владельцы небольших торговых или кустарных предприятий. Это типичные польские евреи, которых еще не тронуло ассимилирующее влияние советской культуры. Держатся кучно, но, видимо, живут не особо дружно. Каждый хочет урвать кусок получше. Занимаются перепродажей вещей. Это основной источник доходов. Лесорубы, похоже, только для получения прав. Вынужденно. Весь этот дом, кишачий живым и крикливым населением, производит крайне неприятное впечатление. Эти люди еще не поняли, что евреи тоже могут быть и должны быть лесорубами.³⁰

Около 10.000 польских евреев добровольно завербовались на работу в северных и восточных районах СССР. Иногда это было не вполне добровольно, как в случае с Александром Кашой, иногда – в самом деле добровольно, как об этом рассказывает Габриэль Темкин, завербовавшийся вместе со своей возлюбленной Ханной и братом Якубом на работу в город Кизел на Урале. В то время шахтерский город Кизел входил в Молотовскую область (ныне – Пермский край). Мотивы добровольчества были довольно любопытными и, бесспорно, наивными: все трое рассчитывали, что, получив работу и постоянное место жительства, они смогут ускорить процесс получения виз для въезда в СССР оставшимися в Лодзи родственниками.³¹ Однако приспособиться к жизни в Кизеле им не удалось, и Габриэль с Ханной перебрались в Гомель, где они нашли жилье и работу. Якуб весной 1941 г. отправился в Белосток, намереваясь вернуться в Лодзь, где у него остались жена и ребенок. Вместо этого он был арестован и отправлен в лагерь в Коми. После освобождения по амнистии провел годы войны в качестве вольнонаемного в Сибири.

Габриэль Темкин – один из немногих беженцев, попытавшийся много лет спустя суммировать не только темные, но и позитивные стороны жизни в СССР. Несомненно, на его оценки оказал воздействие его личный опыт, несколько отличавшийся от опыта большинства беженцев, хотя в трезвости суждений ему не откажешь. Вынося в данном

---

³⁰ М. Г. Шумелишский. Дневник солдата. Москва, 2000. С. 37.

³¹ Gabriel Temkin. My Just War. P. 14.

случае за скобки судьбоносное значение переселения беженцев вглубь СССР (вероятно, не всем очевидное в то время) – обретение убежища от нацистов, – обратимся к некоторым сторонам жизни в новой стране, которые он отмечает. “Мы, чужаки, – пишет Темкин, – получили здесь работу, и люди в целом относились к нам дружелюбно... Наиболее важным было то, что к нам, евреям, власти относились так же, как и ко всем остальным... Если и был антисемитизм среди населения – а он несомненно существовал – то он никак не проявлялся, возможно, потому, что до войны это было наказуемым деянием”. Правда, Темкин оговаривается, что речь идет о Гомеле, где треть населения составляли евреи, преимущественно входившие в его круг общения. Еще одним преимуществом советской жизни Темкин считал возможность получения образования. И он, и Ханна, как только обосновались на новом месте, начали учиться в вечерней школе. На исходе войны Ханна поступила на философский факультет Ленинградского университета, а Габриэль присоединился к ней после окончания войны и демобилизации из армии, поступив на экономический факультет.³² Добавлю, что когда Темкин писал воспоминания, он был уже отставным профессором канадского университета, обитателем солнечной Флориды, и никаких внешних причин для приукрашивания положения евреев в СССР у него не было.

Г. В. Костырченко высказал предположение, что государственный антисемитизм в СССР начал проявляться с 1938 г. На мой взгляд, аргументы, приводимые им в подкрепление своего тезиса, выглядят не слишком убедительно. Так, в подготовленный им сборник “Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953” включен раздел “Первые проявления госантисемитизма” (С. 14–26).³³ Раздел содержит семь документов, в которых довольно трудно разглядеть антисемитские тенденции в указанный период. Два из них вообще нельзя отнести к интересующему нас времени – это выдержки из показаний Переца Маркиша, которые он дал во время следствия по делу Еврейского антифашистского комитета в 1949 г.! Хотя в показаниях речь идет о событиях 1940 года, очевидно, что они могут быть свидетельством антисемитской политики в 1949-м,

³² Gabriel Temkin. *My Just War*. Pp. 25, 222–223.

³³ Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. Сост. Г. В. Костырченко. Москва, 2005. Ср.: Г. В. Костырченко. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. Москва, 2001. С. 196–218.

но никак не в 1940 году. При ближайшем рассмотрении большинство прочих – весьма немногочисленных – документов не являются свидетельством антисемитской политики, направляемой сверху. Среди них донос директора Государственного еврейского театра (ГОСЕТ) Наума Белиловского на С. М. Михоэlsa в связи с репертуарной политикой театра. Докладная записка о “засоренности” аппарата Наркомздрава от 27 ноября 1938 г., в которой против некоторых сотрудников, как евреев, так и русских, выдвигаются политические обвинения, вряд ли является убедительным доказательством антисемитских тенденций в государственной политике. А письмо Н. К. Крупской И. В. Сталину о росте шовинистических настроений среди школьников говорит об озабоченности вдовы Ленина этими проявлениями и о том, что она считает вполне уместным обращаться по волнующему ее вопросу к генеральному секретарю партии. Это, скорее, говорит о продолжении линии на борьбу с антисемитизмом, которую большевики проводили с конца 1920-х годов. Единственный документ, в котором чувствовался антисемитский “душок” – записка на имя А. А. Жданова о работе Института мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР от 11 мая 1941 года, которая, по словам самого публикатора, по указанию Жданова была срочно переработана, причем упор был перенесен с кадрового неблагополучия на “прогерманские увлечения”. Во втором варианте записки список еврейских фамилий исчезает, а в постановлении Секретариата ЦК о положении в Институте кадровый вопрос “вообще не фигурировал”.³⁴

Дело было не в антисемитизме и не в специальной “еврейской” политике. Евреи рассматривались как бывшие (или настоящие, если они отказывались взять советское гражданство) польские граждане. Их могли арестовывать как торговцев или относительно крупных собственников, как участников польского сопротивления – именно это случилось с Марианом Балабаном, даже крестившимся из польского патриотизма, или как участников еврейского национального движения. Именно это вполне ожидаемо случилось с руководителем (“комендантом”) Бейтара в Польше, будущим премьер-министром Государства Израиль Менахемом Бегиним. Это уже было похоже на преследование по национальным мотивам. Однако освободили и польского националиста еврейского происхождения Балабана, и сиониста Бегина по одной и той же “статье” – как польских граждан, после подписания советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г. Добавлю, что еврейский национализм был для советских

³⁴ Государственный антисемитизм в СССР. С. 24, прим. 1.

спецслужб, производивших “чистку” среди вновь обретенного населения, ничем не лучше и не хуже украинского или белорусского. Однако если украинцев или белорусов, принадлежавших к “титulyным” нациям советских республик, представители советской власти не относили к гражданам иностранного государства, то евреев – вполне.

Другое дело, что представители этого государства – также как значительная часть, если не большинство, его граждан “титulyной” национальности – считать евреев своими компатриотами не желали. Это относилось и к сионисту Бегину, и к польскому патриоту Балабану. Обоим, в конечном счете, удалось вступить в армию Андерса и выбраться из СССР. Один прошел весь путь армии Андерса, включая бои под Монтекассино. Правда, в Польшу он больше не вернулся, но вернулся, в конечном счете, к еврейству, уже в США. Другой, как и планировал, дезертировал из польской армии, но не из-за того, что боялся опасности. Менахем Бегин добрался до Эрец-Исраэль, где возглавил Иргун. Впрочем, биография организатора взрыва отеля Кинг Дэвид и лауреата Нобелевской премии мира хорошо известна.

Что же касается антисемитизма, то его проявления, на наш взгляд, усилились в СССР сразу после начала войны с Германией, во всяком случае, он стал заметным, во многих случаях никак не скрываемым. Причем движение шло снизу,³⁵ а власть поначалу лишь реагировала тем или иным образом на видимые проявления антисемитизма и аранжировать его начала несколько позднее.

Радикальные изменения в положении польских евреев в СССР произошли после подписания 30 июля 1941 года в Лондоне советско-польского соглашения, в соответствии с которым правительство СССР признало советско-германские договоры 1939 г., касающиеся территориальных перемен в Польше, утратившими силу. Восстанавливались дипломатические отношения между двумя странами; правительство СССР согласилось на создание на территории СССР польской армии. Соглашение подписали советский посол в Великобритании И. М. Майский и глава польского правительства в изгнании генерал В. Сикорский. В соответствии с приложением к соглашению 12 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии, под которую попадали 381.220 спецпереселенцев.³⁶

³⁵ Oleg Budnitskii. The Great Patriotic War and Soviet Society: Defeatism, 1941–42 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2014. Vol. 15. No. 4. Pp. 782–783.

³⁶ Н. С. Лебедева. Армия Андерса в документах российских архивов // *Репрессии против поляков*. С. 178–179.

В истории формирования польской армии на территории СССР и ее последующего пути отчетливо отразилось отношение к евреям не только польской военно-политической верхушки, но и достаточно широких кругов польского общества – ибо армия Андерса была в известном смысле сколком польского общества. Армия называлась по имени командующего – генерала Владислава Андерса, выпускника Петроградской Академии Генерального Штаба, военнопленного Красной армии, захваченного во время короткой советско-польской войны 1939 года, и узника внутренней тюрьмы на Лубянке. Польские евреи хлынули в армию Андерса и поначалу в некоторых формированиях составляли, по данным польского посла в СССР Станислава Кота и самого Андерса, около 40 и даже 60% военнослужащих. Этот энтузиазм объяснялся как патриотическими настроениями, так и вполне прагматическими соображениями: в армии, по крайней мере, ставили на довольствие, а после перевода формирующейся армии из Саратовской и Чкаловской областей в Среднюю Азию поползли слухи о ее возможном перемещении за рубеж. Это был легальный способ уехать из СССР; к тому же для активных сионистов появлялся шанс добраться до Палестины. Однако ситуация быстро изменилась, и евреев под разными предлогами, преимущественно слабого здоровья или недостаточной квалификации, перестали принимать в армию, а при повторном освидетельствовании увольняли из нее.³⁷

Андерс в своих мемуарах посвятил евреям в армии специальную главу, в которой недвусмысленно сформулировал свое отношение к ним: “Я оказался в весьма затруднительном положении, когда в армию стали поступать представители национальных меньшинств, прежде всего евреи. Как я уже говорил, определенная часть евреев радостно приветствовала советские войска, вступившие на польскую территорию в 1939 году. Поляки не могли забыть об этом, и мне пришлось сглаживать противоречия и умирять конфликты”.³⁸ Андерсу, как бы он лично ни относился к евреям, пришлось учитывать отношение к

³⁷ О евреях в армии Андерса см. Shimon Redlich. Jews in General Anders' Army in the Soviet Union 1941–42 // Soviet Jewish Affairs. 1971. Vol. 1. No. 2. Pp. 90-98; Israel Gutman. Jews in General Anders' Army in the Soviet Union // Yad Vashem Studies. 1978. Vol. 12. Pp. 171-213. Статья И. Гутмана была впервые опубликована одновременно на иврите и английском. Цитируется далее по: И. Гутман. Евреи в армии Андерса, сформированной в СССР. Перевод с иврита Зои Копельман // Яд Вашем: Исследования. 2. Сост. Д. Романовский, Д. Зильберкланг. Иерусалим, 2010. С. 121-176.

³⁸ В. Андерс. Без последней главы / пер. с пол. Т. Уманской // Иностранная литература. 1990. № 11. <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1345>.

еврейскому вопросу Великобритании и США, и поскольку проблема – дискриминация евреев в армии – стала очевидной уже с первых недель ее формирования, принимать меры. 14 ноября 1941 г. генерал издал приказ об отношении к евреям в армии, в котором требовал “положить конец распространяемым за нашей спиной слухам и наветам о мнимом антисемитизме в армии”. В приказе подчеркивалось, что военнослужащие-евреи обладают теми же правами и обязанностями, что и остальные польские граждане, и в армии к ним следует относиться с той же “искренностью, сердечностью и доверием”, что и к остальным солдатам. “Я приказываю всем находящимся в моем подчинении командирам решительно бороться со всеми проявлениями расистского антисемитизма”, – говорилось в приказе.³⁹

Видимо, этот приказ вызвал негативную реакцию в армии, и 30 ноября 1941 г. Андерс выпустил новый приказ, в котором писал, что хорошо понимает причины проявлений антисемитизма в рядах армии; эти причины он усматривал в нелояльном поведении польских евреев в 1939–1940 гг. Необходимость терпимого отношения к евреям он объяснял их влиянием в англосаксонском мире. Однако, заключал командующий, “когда после победного боя мы вновь станем хозяевами в своем доме, мы уладим вопрос с евреями так, как того требуют величие и суверенность нашего отечества, а также простая человеческая справедливость”.⁴⁰

Приказ выглядит настолько неуместным в тогдашней ситуации, что невольно наводит на мысль об апокрифе. Андерс впоследствии объявил его подделкой. Однако, во-первых, текст приказа был опубликован не кем иным, как Станиславом Котом в 1955 г., при жизни Андерса,⁴¹ во-вторых, нетрудно заметить, что в приказе и в воспоминаниях Андерса поведение “части евреев” в 1939 г. оценивается практически одинаково. Наконец, политика командования по отношению к евреям мало изменилась, несмотря на риторику первого приказа Андерса по “еврейскому вопросу”.

Кот телеграфировал Сикорскому 10 апреля 1942 г.: “Было бы желательно довести до сведения генерала Андерса, что последовательно проводимая штабом антисемитская политика, в которой особенно

³⁹ Redlich. *Jews in General Anders' Army in the Soviet Union 1941–42*. P. 96; Гутман. Евреи в армии Андерса. С. 154–156.

⁴⁰ Redlich. *Jews in General Anders' Army in the Soviet Union 1941–42*. P. 96; Гутман. Евреи в армии Андерса. С. 156–157.

⁴¹ Гутман. Евреи в армии Андерса. С. 160–161.

преуспели некоторые офицеры призывной комиссии, невольно оказывает услугу Советам, которые стремятся посеять рознь между евреями и поляками, чтобы создать прецедент для захвата территорий на востоке...⁴²

Сохранившийся среди бумаг Андерса список мобилизованных в период с 12 по 20 августа 1942 г. показывает явную склонность призывной комиссии оказывать предпочтение полякам. Она признала годными 23 из 88 евреев, при этом из 75 поляков годными оказались 45. Однако это единственный сохранившийся документ такого рода,⁴³ и судить о том, насколько он репрезентативен, сложно. Приходится полагаться на воспоминания современников, которые практически единодушно свидетельствуют о дискриминации евреев при приеме в армию и, за некоторым исключением, при прохождении дальнейшей службы. Интервью польского патриота и еврея Мариана Балабана – одно из самых ярких в этом ряду.

В результате двух эвакуаций, в апреле и августе-сентябре 1942 г., армия Андерса и сопровождавшие ее гражданские лица, включая членов семей военнослужащих, перебрались в Иран. В общей сложности эвакуировались 75.500 военнослужащих и 37.500 гражданских лиц, включая детей. Среди них было около 5.000–7.000 евреев, в том числе 4.000 военнослужащих и 850 детей.⁴⁴

Во время дислокации армии Андерса в Палестине из нее дезертировали около 3.000 евреев. Большинство из них вступили или в еврейские подпольные военизированные организации, или в Еврейскую бригаду британской армии. Что же касается той тысячи евреев, которые остались в рядах польской армии, то Андерс многократно повторял, что они отлично воевали, в том числе в кровавом сражении при Монте-кассино.⁴⁵ Свой боевой путь армия Андерса завершила освобождением Болоньи, о котором рассказывает, среди прочего, в своем интервью Мариан Балабан.

Начиная с 16 января 1943 года по решению советского правительства все “лица польской национальности, проживающие в СССР”, становились, независимо от их желания, советскими гражданами. Исключение составляли лишь те, кто проживал ранее на польских землях, не вошедших в состав СССР после 17 сентября 1939 г. За ними

⁴² Там же. С. 139.

⁴³ Там же. С. 138-139.

⁴⁴ Redlich. Jews in General Anders' Army in the Soviet Union 1941–42. P. 97.

⁴⁵ Гутман. Евреи в армии Андерса. С. 174-175.

было оставлено право выбирать гражданство. Это означало, что бывших польских граждан могли теперь призывать в Красную армию на общих основаниях. 13 апреля 1943 г. было обнародовано германское сообщение об обнаружении захоронений расстрелянных в 1940 г. в Катынском лесу польских офицеров.⁴⁶ 25 апреля по инициативе советской стороны происходит разрыв советско-польских отношений, поводом для которого послужило обращение польского правительства в изгнании в Международный Красный Крест с просьбой провести расследование обстоятельств гибели польских офицеров. 8 мая 1943 г. Государственный комитет обороны СССР принимает решение о формировании на территории СССР польской пехотной дивизии. Командиром дивизии был назначен полковник польской армии Зыгмунт Берлинг, давно вставший на путь сотрудничества с советской властью. Дивизия уже в октябре 1943 года принимает свой первый бой, вскоре преобразуется в корпус, а в марте 1944 года – в 1-ю Польскую армию, которая уже в июле ведет бои на территории Польши. “Таким образом, – по справедливому замечанию Н. С. Лебедевой, – сталинскому режиму вывод армии Андерса в Иран оказался только на руку – ничто больше не препятствовало советизации Польши”.⁴⁷

В 1-й польский корпус (в интервью Тевель несколько преждевременно называет корпус армией) и был направлен служить в ноябре 1943 г. Тевель Пружанский. Оказалось, чтобы попасть без проблем в польскую армию, польскому еврею надо было стать советским гражданином.

Как выяснилось после окончания войны, самая большая группа польских евреев, переживших Холокост, оказалась в Советском Союзе – около 230.000 человек. В соответствии с советско-польскими соглашениями о репатриации, заключенными в сентябре 1944 и июле 1945 г., их опять было решено считать польскими гражданами. Польские евреи получили возможность вернуться на родину. Около 180.000 из них этой возможностью воспользовались,⁴⁸ хотя для большинства Польша стала перевалочным пунктом по пути на Запад или на Восток. На сей раз – Ближний Восток.

⁴⁶ Среди расстрелянных польских офицеров было немало евреев. См. Убиты в Катыни: Книга памяти польских военнопленных – узников Козельского лагеря НКВД, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 марта 1940 года. Москва, 2015. http://www.memo.ru/uploads/files/killed_in_katyn.pdf.

⁴⁷ Н. С. Лебедева. Армия Андерса в документах российских архивов. С. 192-193.

⁴⁸ David Engel. Poland since 1939 // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe / Ed. by Gershon Hundert. New Haven, 2008. Vol. 2. Pp. 1406-7. В 1957 г. еще около 30.000 польских евреев репатриировались из СССР в Польшу.

Тевель Пружанский оказался единственным из трех польских евреев, чьи интервью публикуются в этом номере *Ab Imperio*, который добрался до Польши, добрался в качестве солдата Войска Польского. Возвращение оказалось нерадостным. Пружанский рассказывает, как польские националисты (он их называет террористами) остановили поезд, в котором он ехал из Белостока в Варшаву, осмотрели каждое купе и застрелили “четырёх еврейских мальчиков”. Тевеля не тронули: он не был похож на еврея и говорил по-польски без акцента. Через четыре дня он уехал: Польша уже не была его страной. Горькой иронией выглядело то, что в поисках безопасности он направился в Германию, выдав себя за немца.

Теодор Шанин через несколько дней после приезда в Лодзь, где было все почти как прежде (город не пострадал во время войны), увидел в штаб-квартире местной сионистской организации четыре трупа: “трех мальчишек и одной девчонки”. Разница была лишь в том, что польские боевики вывели их из автобуса, а не поезда. И расстреляли. Автобус шел к границе, они хотели уехать. На их похоронах один из членов сионистской группы сказал: “Мы хотим только одного – уйти из этой проклятой страны. И чтобы сгорела эта страна! И с людьми, и с женщинами, и с детьми – со всеми! Чтобы от нее ничего не осталось! Это единственная вещь, которой мы хотим. А мы – уйдем”.⁴⁹

Антиеврейское насилие было повседневным явлением в послевоенной Польше. Кульминацией его стал погром в Кельце 4 июля 1946 г.⁵⁰ В тот же день на станции Пекушев Келецкого уезда “из вагона поезда, следовавшего из Люблина во Вроцлав, были выведены и убиты восемь евреев, являвшихся репатриантами из Советского Союза”. В убийстве участвовали, наряду с гражданскими лицами, сотрудники железнодорожной милиции. На следующий день около станции Золотой Поток (Ченстоховский уезд) были убиты еще двое евреев.⁵¹ Убийства евреев на железных дорогах очень напоминают практику эпохи Гражданской войны в России.⁵² Впрочем, в Польше и шла гражданская война. Страх

⁴⁹ Из Вильны в Манчестер. Интервью Теодора Шанина / Беседовала Любовь Борусяк // <http://www.polit.ru/article/2011/04/06/shanin/>.

⁵⁰ См. материалы официального следствия по делу о погроме в Кельце: Еврейский погром в Кельце 4 июля 1946 г. (По материалам архива ФСБ) Публ. В. Г. Макарова и В. С. Христофорова // Архив еврейской истории. / Под. ред. О. В. Будницкого. Москва, 2008. С. 278-328.

⁵¹ Еврейский погром в Кельце 4 июля 1946 г.

⁵² Oleg Budnitskii. Russian Jews between the Reds and the Whites, 1917–1928. Philadelphia, 2012. Pp. 257-258.

царил среди евреев, возвращавшихся в страну из СССР, также как среди тех, кто сумел пережить нацистскую оккупацию или выжил в лагерях.⁵³ Около 40.000–50.000 евреев эмигрировали из Польши с июля по декабрь 1945 г., еще 100.000 – с мая по сентябрь 1946 г. К середине 1947 г. в Польше осталось около 90.000 евреев.⁵⁴

SUMMARY

Oleg Budnitskii details the historical background relevant to the personal stories of the three Holocaust survivors from Poland, whose interviews are published in the “Archive” section of this issue of *Ab Imperio*. He provides quantitative estimates of the dynamics of the Jews who found themselves in the USSR following the Soviet occupation of Eastern Poland, from 1939 to their return to Poland after the war. Budnitskii outlines the chronology and composition of four waves of Soviet deportation from Polish territories, discusses the problem of official Soviet antisemitism and the antisemitism of Polish patriots during and after the war. He also contextualizes the interviews within the broader field of published firsthand testimonies of other Polish Jews who had similar experiences.

BIBLIOGRAPHY

Altshuler, Mordechai. *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile*. Jerusalem, 1998.

Anders, V. Bez poslednei glavy // *Inostrannaia literatura*. 1990. No. 11. <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1345>.

Bender, Sara. *The Jews of Bialystok during World War II and the Holocaust*. Waltham, MA, 2008.

Budnitskii, Oleg. The Great Patriotic War and Soviet Society: Defeatism, 1941–42 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2014. Vol. 15. No. 4. Pp. 767–79.

— *Russian Jews between the Reds and the Whites, 1917–1928*. Philadelphia, 2012.

Davies, Norman and Antony Polonsky (Eds.). *Jews in Eastern Poland and the USSR, 1939–1946*. London, 1991.

⁵³ См. David Engel. Patterns of Anti-Jewish Violence in Poland, 1944–1946 // *Yad Vashem Studies*. 1998. Vol. 26. Pp. 43–85; Jan T. Gross. *Fear: Anti-Semitism in Poland after Auschwitz*. New York, 2006.

⁵⁴ David Engel. *Poland since 1939*. Pp. 1406–7.

Dean, Martin. Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. New York, 1999.

Detstvo sotsiologa. Interv'iu Teodora Shanina. Besedovali L. Borusiak i A. Levinson // <http://www.polit.ru/article/2009/06/10/infancia/>.

Engel, David. Patterns of anti-Jewish Violence in Poland, 1944–1946 // Yad Vashem Studies. 1998. Vol. 26. Pp. 43-85.

— Poland since 1939 // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe / Ed. by Gershon Hundert. New Haven, 2008. Vol. 2. Pp. 1406–1407.

Evreiskii pogrom v Kel'tse 4 iuliia 1946 g. (Po materialam arkhiva FSB) // Arkhiv evreiskoi istorii. Ed. O. V. Budnitskii. Moscow, 2008. Pp. 278-328.

Filippov, S. G. Deiatel'nost' organov VKP(b) v zapadnykh oblastiakh Ukrainy i Belorussii v 1939–1941 gg. // Repressii protiv poliakov i pol'skikh grazhdan / Ed. A. B. Roginskii. Moscow, 1997. Pp. 44-76.

Gessen, Ester. Belostok – Moskva: memuary. Moscow, 2014.

Gorlanov O. A., A. B. Roginskii. Ob arestakh v zapadnykh oblastiakh Belorussii i Ukrainy v 1939–1941 gg. // Repressii protiv poliakov i pol'skikh grazhdan / Pod red. A. B. Roginskogo i dr. Moscow, 1997. Pp. 77-113.

Gosudarstvennyi antisemitizm v SSSR. Ot nachala do kul'minatsii, 1938–1953 / Ed. A. N. Iakovlev. Moscow, 2005.

Gross, Jan T. Fear: Anti-Semitism in Poland after Auschwitz. New York, 2006.

— Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland. Princeton, 2001.

— Revolution from Abroad: the Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Expanded edition. Princeton, 2002.

Gur'ianov A. E. Masshtaby deportatsii naseleniia vglub' SSSR v mae-iune 1941 g. // Repressii protiv poliakov i pol'skikh grazhdan / Ed. A. B. Roginskii. Moscow, 1997. Pp. 137-175.

— Pol'skie spetspereselentsy v SSSR v 1940–1941 gg. // Repressii protiv poliakov i pol'skikh grazhdan / Ed. A. B. Roginskii. Moscow, 1997. Pp. 114-136.

Gutman, Israel. Evrei v armii Andersa, sformirovannoi v SSSR // Iad Vashem: Issledovaniia. Vol. 2. Ed. D. Romanovskii, D. Zil'berklang. Jerusalem, 2010. Pp. 121-176.

— Jews in General Anders' Army in the Soviet Union // Yad Vashem Studies. 1978. Vol. 12. Pp. 171-213.

Iz Vil'ny v Manchester. Interv'iu Teodora Shanina // <http://www.polit.ru/article/2011/04/06/shanin/>.

Jewish Refugees from Poland in Belorussia, 1939–1940 / Introduced and

annotated by E. Ioffe and V. Selemenev // *Jews in Eastern Europe*. 1997. No. 1 (32). Pp. 45-60.

Kaganovitch, Albert. *Jewish Refugees and Soviet Authorities during World War II* // *Yad Vashem Studies*. 2010. Vol. 38. No. 2. Pp. 85-121.

Khrushchev, N. S. *Vremia. Liudi. Vlast'*. (Vospominaniia). Vol. 1. Moscow, 1999.

Kostyrchenko, G. V. *Tainaia politika Stalina: Vlast' i antisemitizm*. Moscow, 2001. Pp. 196-218.

Kupovetskii, M. *Liudskie poteri evreiskogo naseleniia SSSR v poslevoennnykh granitsakh SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* // *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve*. 1995. No. 2(9). Pp. 143-155.

Lebedeva, N. S. *Armiia Andersa v dokumentakh rossiiskikh arkhivov* // *Repressii protiv poliakov i pol'skikh grazhdan* / Ed. A. B. Roginskii. Moscow, 1997. Pp. 176-196.

Levin, Dov. *The Lesser of Two Evils: Eastern European Jewry under Soviet Rule, 1939–1941*. Philadelphia and Jerusalem, 1995.

Litvak, Yosef. *Jewish Refugees from Poland in the USSR 1939–1946* // Zvi Gitelman (Ed.). *Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997. Pp. 123-150.

Miranovich, Ia. *Nainoyshaia gistoryia Belarusi*. St. Petersburg, 2003.

“My, religioznye evrei, kazhdyi den' dolzhny ozhidat' aresta...” // *Arkhiv evreiskoi istorii* / Ed. O. V. Budnitskii. Moscow, 2004. Pp. 377-388.

Orzell, Laurence. *Poland and Russia, July 1941 – April 1943: The “Impossible” Alliance* // *The Polish Review*. 1976. Vol. 21. No. 4. Pp. 35-58.

Polonsky, Antony. *The Jews in Poland and Russia*. Vol. 3: 1914–2008. Oxford, 2011.

Redlich, Shimon. *Jews in General Anders' army in the Soviet Union 1941–42* // *Soviet Jewish Affairs*. 1971. Vol. 1. No. 2. Pp. 90-98.

Rozenblat, E. “Chuzhdyi element”: evreiskie bezhentsy v Zapadnoi Belorussii (1939–1941) // *Istoriia i kul'tura rossiiskogo i vostochnoevropeiskogo evreistva: novye istochniki, novye podkhody* / Ed. O. V. Budnitskii. Moscow, 2004. Pp. 333-361.

Sharapov, Iu. P. *Litsei v Sokol'nikakh. Ocherk istorii IFLI*. Moscow, 1995.

Shumelishskii, M. G. *Dnevnik soldata*. Moscow, 2000.

Slezkine, Yuri. *The Jewish Century*. Princeton, 2004.

Temkin, Gabriel. *My Just War: The Memoir of a Jewish Red Army Soldier in World War II*. Novato, CA, 1998.

Tolochko, Dmitrii. *Polish Refugees in Eastern Belorussia, 1939–1941* // *Jews in Russia and Eastern Europe*. 2006. No. 1 (56). Pp. 5-30.

Ubiti v Katyni: Kniga pamiati pol'skikh voennoplennnykh – uznikov Kozel'skogo lageria NKVD, rasstrelennykh po resheniiu Politbiuro TsK VKP(b) ot 5 marta 1940 goda. Moscow, 2015. http://www.memo.ru/uploads/files/killed_in_katyn.pdf.

V tom dalekom IFLI: Vospominaniia, dokumenty, pis'ma, stikhi, fotografii / Ed. A. Kogan, S. Krasil'shchikov, V. Malyi, G. Solov'ev. Moscow, 1999.

Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1939 goda: Osnovnye itogi / Ed. Iu. A. Poliakov. Moscow, 1992.

Yones, Eliyahu. Smoke in the Sand: The Jews in Lvov in the War Years 1939–1944. Jerusalem and New York, 2004.